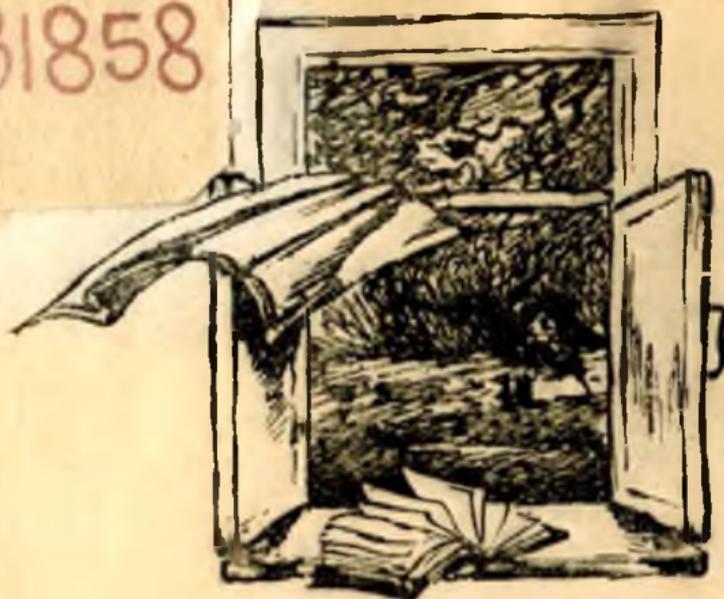

Самуила Нерис

Р
31858

сквозь
повиет
пуль

ОГИЗ

~~издательство~~
Гослитиздат

Саломея Нерис

СКВОЗЬ ПОСВИСТ ПУЛЬ

СТИХИ

*Перевод с литовского
Марии Петровых*

О Г И З

*Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1943*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Костас Корсакас—Саломея Нерис</i>	3
Родине	7
Ленин не умрет!	7
Москва	9
Не пройдут здесь вражьи танки	9
Стрелок	10
Сирота	11
Тебе	11
После боя	12
Смех гремит победный	13
Никогда не забуду	14
Ночь в степи	15
Сокол не вернулся...	16
Матуля	17
Песнь жизни	19
Смелым	20
Ты проснешься	20
Скиталец	20
Дружба	21
Юность	21
Земля моя	21
Ты сын войны	22
К солнцу	23
Равлука	23
Г род развалин	24
Я вяжу	27

Редактор С. Хитарова

Подписано к печати 25.VI 1943 г. А-481. Тираж 10 000 экз.
7/8 печ. л. 1,33 уч. : вт. л. Зак. № 304. Цена 1 р. 25 к.
б-я типография ОГИЗ'а. Москва, 1-й Самотечный пер., 17

САЛОМЕЯ НЕРИС

Саломея Нерис (род. в 1905 г.) принадлежит одно из первых мест в новейшей литовской поэзии. Уже своим первым сборником стихов «Ранним утром», появившимся в 1927 году, поэтесса, тогда еще студентка Каунасского университета, сразу обратила на себя внимание. Правда, при всей свежести и искренности поэтического слова на этом первом сборнике еще сказались влияния символизма, но второй сборник стихов Саломеи Нерис, «Следы на песке», вышедший четыре года спустя, показал уже совершенно оригинальное и самобытное лицо поэтессы.

Появление второго сборника совпало с сближением Саломеи Нерис с группой левых писателей. Она отошла от поэтических группировок, связанных с католическими кругами. Этот переход поэтесса совершила открыто, опубликовав в журнале левых литовских писателей «Трячас фронтас» («Третий фронт») соответствующее заявление, которое вызвало в реакционной печати бурю негодования.

В третьем сборнике стихов Саломеи Нерис «По хрупкому льду» (1935) видны творческие искания поэтессы. Не все стихи этого сборника были удачны, но Саломея Нерис поэтически росла, и четвертый сборник стихов «Зацвету цветком» (1938) показал ее столь несомненные поэтические достоинства, что Саломея Нерис была присуждена государственная премия. Даже реакционная литовская печать не могла замолчать ее крупных творческих достижений.

Совершенно новый этап творчества начался для Саломеи Нерис в советской Литве. Если до этого времени поэтесса в своих стихах не могла касаться многих тем, то советский строй дал ее поэтическому голосу полную свободу и новую мощь. Осуществление советского строя в Литве Саломея Нерис встретила «Позмой о Сталине», которую она впервые огласила на заседании Верховного Совета Союза ССР, где

обсуждался вопрос о приеме Литвы в состав Советского Союза.

В советской Литве творчество Саломеи Нерис стало доступно широкому читателю, слово ее звучало глубоко и сильно, сливаясь с голосом всей страны, деятельно приступившей к строительству социализма. Государственное издательство Литовской ССР издало сборник лирики Саломеи Нерис «Избранное», в который вошла и поэма «Ель, королева ужей». В этом последнем произведении, необычайно искреннем и сильном, поэтесса использовала образы и стиль литовских народных сказок и песен.

Грабительское нападение Гитлера заставило Саломею Нерис, как и многих других литовских писателей, временно покинуть свою родину, но не прервало ее поэтической работы. В дни отечественной войны Саломея Нерис написала целый ряд стихотворений, являющихся лучшими в ее творчестве.

Поэтесса видела собственными глазами превращенные в развалины пылающие города Литвы, видела сотни невинно погибших соотечественников. И все это загло в ее сердце пламенную, глубокую ненависть к врагу. Эта ненависть сливается в стихах Саломеи Нерис с глубокой скорбью о неволе родного края, с горячей любовью к своей родине и томительной жадной поскорее увидеть освобожденную Литву.

Обращаясь к солнцу, которое вечером «ласкает огнем запад», где лежит милая сердцу поэтессы родина, она просит солнце лучом своим обогреть ее близких.

На войну поэтесса откликается всей гаммой своих чувств и мыслей, начиная с сугубо личных переживаний и кончая глубоким раздумьем о доле своей родины, о судьбе всего человечества. Лирика ее овесняла задумчивым и нежным чувством. Для изображения страшных картин войны поэтесса часто прибегает к образам природы. Свиристый, холодный ветер, кружащий тучи пепла и завывающий над остатками пожарниц, звучит в поэзии Саломеи Нерис, как мрачная песнь войны. Это глухое пенье «ветра военных дней», рвущееся «сквозь посвисты пуль и сквозь вой бомбовозов», поэтесса слышит и над развалинами разрушенного города, и в далекой приуральской степи, и даже в кружении земли «в вольном просторе»—

Вой войны пронзает все просторы,
От него не скрыться никуда.

Но в этом вое ветра звучит также и предвестье песни «от ветра ночь светлей», и наступают уже дни иные, и «березы трепетаньем рук радостно встречают журавлей». Свою жизнь поэтесса воспринимает как широкий, свободный, подобный бурному ветру, размах:

О жизнь моя, ветер степных раздолей,
Как сокол, летишь над родимой землей!

Она знает, что близок день победы, когда «враги падут во прах» и

Грядущее придет
с младенцем на руках,
С улыбкой радостной
и просветленным взором.

Почерневшее, затмившееся от кровавых пожаров небо, злоеющее карканье черного ворона, попорченная врагом и залитая кровью родная земля, нахмурившееся от боли солнце — вот образы, которые в поэзии Саломеи Нерис чаще всего создают картину тягчайших бедствий войны.

Луч глубокой гуманности озаряет все творчество Саломеи Нерис. В ее стихотворениях часто встречается образ матери, бредущей с младенцем на руках сквозь колючие проволочные заграждения, под грохот пушек, образ матери, без слез провожающей сына-красноармейца на войну против гитлеровских захватчиков, образ матери, которая на смену павшим сыновьям идет сражаться в партизанский отряд. Этот образ в поэзии Саломеи Нерис является символом человечности и воплощением неиссякаемой веры в светлое грядущее.

Для лирики Саломеи Нерис характерны простота и интимность. Поэтические средства ее стихов не сложны, но необыкновенно свежи, ее сравнения и метафоры отличаются простотой, но вместе с тем точностью и яркой самобытностью. По-народному звучат в ее стихах так часто встречающиеся в песнях литовского народа образы природы — соколы, березки, дуб, солнышко. Этими образами пользуется поэтесса, воспевая партизан и бойцов-красноармейцев. Избегая поверхностного подражания народным песням, поэтесса создаст произведения, которые по духу своему очень близки народному творчеству. Как на яркий пример, можно указать на ее стихотворение «Матуля».

Стихи Саломеи Нерис с трудом поддаются переводу. Можно даже сказать, что Саломея Нерис принадлежит к числу поэтов, очарование поэзии которых полностью ощущается только в оригинале.

Тем не менее надо горячо приветствовать первый сборник стихотворений Саломеи Нерис на русском языке. Вместе с ранее изданной «Поэмой о Сталине» этот сборник делает творчество Саломеи Нерис достоянием всех советских читателей, вплетая в многоцветный венок советской поэзии и слово талантливой литовской поэтессы.

Костас Корсакас

Р О Д И Н Е

Страдая, плача, негодуя,
Живешь врагов рабою.
О, сотни миль пешком пройду я,
Чтоб свидеться с тобою.

Сады ль твои зарозовели,
Плоды ли рдеют, зрея,—
Сквозь ветер, вной, дожди, метели
Приду, приду к тебе я!

Ты озираешься тоскливо.
О, как твой взгляд печален!
Где города твои, где нивы,
Край пепла, край развалин?

И где любимейшие дети?
Ты руки заломила.
Дома их рзоряет ветер,
Безвестны их могилы.

Дни грозной скорби—глухи, немы,
Бесследно исчеза.
С какою нежностью к тебе мы
Вернемся, дорогая!

Л Е Н И Н Н Е У М Р Е Т !

Драгоценное лицо недвижно.
Сон великий тих и непробуден.
Алые знамена рдеют пышно...
Путь победы! Он высок и труден.

Не литовские крутые грозы,
Не балтийские литые волны,—
Сестры дорогие, это слезы,
Только слезы, и они безмолвны.

Словно кровь из ран, тскут невольню.
В том, что плачу, я не виновата...
Значит, сердцу нестерпимо больно...
Вот он край, где Ленин жил когда-то!

Сена стог постелью был и крышей
В злые дни осенней непогоды.
Как живого, Ленина я вижу,
На борьбу ведущего народы.

Он, бессмертной бурей испытан,
Нас провел сквозь вьюгу, кровь и пламя,
А теперь в гробу стеклянном спит он
Дни за днями, ночи за ночами.

По его следам, к его высотам
Мы всдем иные поколенья.
Ленин—в них, и с ними не умрет он,
Никогда ему не знать забвенья!

Он навек любим и незабвенен,
Сила сердца нас ведет все та же:
Сталина оставил миру Ленин,
Нашу правду и бессмертье наше.

* * *

Маленький мой край! Его просторы—
Золотого янтара чудесней.
Где его веселые узоры,
Где его задумчивые песни.

Ленин! В горе край мой лучезарный,
Край, где море—неба голубее.
Имя легкое Литвы янтарной,
Словно солнце, подношу тебе я.

В мощный хор народов—нежным звоном
Песнь Литвы... О, сй не быть убитой!
Не звучать над ней предсмертным стомам,
Весь СССР—се защитой!

МОСКВА

Смотрю—и слез не удержу счастливых!
Мы вместе, ты со мною, ты жива!
Грозна в бою, ты ныне молчалива,
Ты так строга, Москва!

Разбилась начисто о стены эти
Фашизма разъяренная волна.
От ужаса в ночи, от скорби на рассвете
Теперь ты спасена.

Я вижу Кремль в красе тысячелетней.
Звучат в тех стенах Сталина слова!..
Добей врага победою последней,
Подвижница Москва!

Я верю, скоро и моей отчизне
Вздохнетесь вновь до самой глубины.
Москва, ты—сердце нашей вольной жизни!
Я слышу неснь весны.

Ты руки протянула мне с приветом,
Ты мне даришь дочерние права,
Ты озаряешь мир бессмертным светом,
Любимая Москва!

НЕ ПРОЙДУТ ЗДЕСЬ ВРАЖЬИ ТАНКИ

Сыплется песок на плечи,
Запахи земли пьянят,
Породнившись под картечью,
Рота—как один солдат.

Лишь дорога перед нами,
Поле в легком полусне,
Поднебесье с облаками,
Птицы в вольной вышине.

Вслушиваясь напряженно,
Вглядываемся в поля!
То не танков ли колонна
Надвигается, пыля?

Если так—гранаты ждут их,
Ждут сердца, как смерть, грозны,
В настороженных минутах—
Боевая мощь страны,

Города, аэропорты,
Фабрики, сады, поля—
Вся, с ее повадкой гордой,
Наша вольная земля.

Эта воля—наше знамя,
В ней мы силу обрели,
И от пуль закрыто нами
Сердце матери-земли.

С нами грозные гранаты
И приволья благодать...
Родина, у нас одна ты,
И врагам здесь не бывать!

СТРЕЛОК

Солнца путь и высок и далек,
Солнце движется только вперед.
Вслед за солнцем шагает стрелок,
Он в бою победит или умрет.

На земле—темен, холоден день:
Солнце застит крылатая тень.
Тяжкий сумрак высок и глубок,
Но сквозь тучи проходит стрелок.

О стрелок, скорей
Дай нам солнца свет:
Подстрели, убей
Птицу смертных бед!

Мускулы дрогнули, напряглись,
Чтобы спасти красоту земли,
Чтобы вернулась на землю весна,
Сталь этих мускулов напряжена.

Солнце бьет лучами
В злое сердце тьмы.
Сила солнца—с нами,
С ней бессмертны мы!

СИРОТА

Сквозь чашу штыков рвется, с холоду розов,
Ветер военных дней,
Сквозь посвисты пуль и сквозь вой бомбовозов
Песня его слышней.

В лохмотьях стоишь ты под стужей сквозною,
Плакать не в силах ты;
Что было твоим—все разбито войною,
Вражьей то след пяты.

Одежда твоя вся забрызгана кровью,
Будет ли в ней тепло?
И сердце не свыкнется с дикою новью,
Слишком уж тяжело!

Дрожишь на ветру ты, теряющий силы
От небывалых мук.
Война твою родину испепелила,
Осень одна вокруг.

Земля ж себе кружится в вольном просторе,
Точно века навад,
Сады, и долины, и горы, и море
Встретить тебя летят.

Сквозь чашу штыков рвется, с холоду розов,
Ветер военных дней.
Сквозь посвисты пуль и сквозь вой бомбовозов
Песня его грозней.

Т Е Б Е

То не осень, но тучами скрыты
Дни Европы в войне.
Мне на сердце ладонь положи ты,
Чтобы дать силу мне.

Кровь героя горит беспокойно,
Вдохновляясь борьбой,
И ты будешь подругой достойной
Уходящему в бой.

Кони мчатся... В просторах им тесно,
Точно сердцу в груди.

Им, неистовым, бездна—не бездна,
Мой лихой—впереди.

Эй, перуны! Вы в битвах измерьте
Злую удадь свою.
Смерть несем бронированной смерти,
Иль погибнем в бою!

Неизвестный боец... Он среди ночи
Здесь лежит, одинок.
Кто закроет угасшие очи?
Кто возложит венок?

Ветер плачет, летя над поляной,—
Плачет юность моя...
Знай, что этот боец безымянный—
Это я, это я!

Ты накрой меня знаменем алым
И запомни с тоской,
Как любимое сердце молчало
Под твою руку.

ПОСЛЕ БОЯ

Только отгрохочет
Бой перед рассветом—
Голубой цветочек
Одарит приветом.

Жаворонок рвет
Над весенней, пашней.
Даже смерть не смеет
Вспомнить день вчерашний.

Что ж ты на откосе
Мне кивасшь, цветик?
Мне мой штык не бросить
Ни за что на свете!

Сердце—тверже камня,
Злую копит силу,
Надо бить врага мне
И вогнать в могилу.

Крепко стисну зубы.
Ох, весна родная!
Как поешь ты люблю,
Жаворонок, в мае!

Но расстанься, вольный,
С песнею одною,—
Ты не пой, как больно
Умирать весною.

Жизнь ведь любит смелых,
Это крепко знаем!
Если ж смерть удел их—
Мать-земля легка им.

СМЕХ ГРЕМИТ ПОБЕДНЫЙ

Ходит-бродит осень,
Бродит невеселой,
Собраны колосья,
И деревья голы.

Осень, ты листвою
Горе не прикрыла,
Ты слезой живою
Не прожгла могилы!

Не с берез, не с кленов
Светлый дождь катился,
И не дуб зеленый
Головой клонился—

В битве партизаны
Пали средь дубравы,
Белые туманы
На сухие травы.

Но идет подмога,
Храбрость не утратив.
О дубрава, много
У тебя есть братьев!

Непереносима
Сердцу партизана

Родины любимой
Огненная рана.

С выстрелами вместе
Смех гремит победный...
Скажут ли, что мезтью
Мы, литовцы, бедны?

НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ

Город светел был, словно
Он справлял торжество.
Солнце счастья любовно
Золотило его.

Старикам горькой скуки
Долгий час не знаком.
В чистом садике внуки
Бегают босиком.

Но на западе тучи
Собирались, грозя,
Наше счастье замучить,
Солнца свет унеся.

Волны крови оттуда
Докатились сюда.
Никогда не забуду,
Как настала беда.

Тучей к нам налетело
Хищное коршунье,
Рвали родины тело,
Истязали ее.

Тихий садик средь буков
Растоптала гроза,
И растерзанных внуков
Застывают глаза.

Ветра мечется всполох,
Облака высоки,
И на камнях на голых
Грустные старики.

Побледневшее море
Не осилит тоску.
Где же голову в горе
Преклонить старику?

Вот он, дом твой разбитый,
Еще угли теплы!
Крепко к сердцу прижми ты
Горстку милой золы.

Мы Литву дорогую
Видим только во сне,
К нам лишь тучки, тоскуя,
Приплывут в вышине.

НОЧЬ В СТЕПИ

Помню твои серые глаза я,
Волосы, черней чем эта ночь...
Мчится ветер, землю сотрясая,
И траве пригнувшейся невмочь.

Шелестит в ночной степи осока,
Но от ветра не укрыться в ней.
Ветер песню тянет одиноко,
Холодом ласкается ко мне.

А под небом темным и унылым
Черный ворон кружит надо мной,
О сестре и о тебе, о милом,
Разливается напев степной.

Я люблю Чурлениса и Грига,
Песню ветра—и его полет.
Мчится поезд и грохочет дико...
Знаю: солнце встанет, рассветит!

Но и солнце не прогреет скоро
Землю, где безжалостна беда.
Вой войны перехлестнул просторы,
От него не скрывается никуда.

Русские! Лишь вас не устранил он,
Дымом дышащий дракон войны.

Только вам его сразить по силам,
Только вы чудовищу страшны!..

Скоро ли мне здесь, мои родные,
Поезд прогремит: пора, пора!..
Как люблю глаза твои стальные
И темноволосые ветра!

СОКОЛ НЕ ВЕРНУЛСЯ...

Опустилась роса,
Зазвенели леса,
Как приволен разлив соловьиный!
Наши соколы ввысь
В этот час поднялись
Над селеньем, над тихой долиной.

Их стальные сердца
Поклялись—до конца
Уничтожить фашистов проклятых.
Лишь когда от огня
Станет ночь ярче дня,
Возвратятся домой соколята.

Но лишь девять назад
В поднебесьи летят,
И в глазах пламенет победа.
Что за синья гладь,—
Благодать, благодать!..
Где ж десятый? И нету ответа!

Для врагов—как погост
Эта полночь без звезд,
Непроглядная тьма этой ночи.
Ты о ком, соловей,
Плачешь песней своей?..
Отсияли веселые очи!

Ляжет солнышко спать,
Мы взовьемся опять,
Наша ненависть в горе окрепла.
Взоем—мestью горя!
И увидит заря
Вражьи трупы под грудями пепла.

МАТУЛЯ

Встревожила морскую гладь
Тоска-кручина...
Ушли отчизну защищать
Четыре сына.

И долго мать глядела вдаль
На перекрестке.
Делили с ней тоску-печаль
Друзья-березки.

Ушел матулин старший сын,
На все умелый,
Громить полки стальных машин...
Он знает дело.

Второй нахлестывал коня:
«Лети, как птица!
Моей матуле за меня
Нельзя стыдиться!»

А третий соколом завился,
В боях испытан,
Укрыться недругу нельзя,
Когда летит он.

И младший к бою был готов,
Стрелок плечистый.
Он твердо знал, что от врагов
Свой край очистит.

Их письма-голуби летят
Домой к матуле,
А с ними — пушечный раскат
И посвист пули.

Сыны матули там, где бой
Пылает грозен,
Они везде несут с собой
Сиянье весен.

Но злая весть се седин
Не пожалела:
Ее надежда, старший сын,
Пал смертью смелых.

Не жалуйся, не плачься, мать,
Осенним высям:
Три сына живы, жди опять
Крылатых писем.

Сумела горе перенести,
Но в дождь и слякоть
Другая прилетела весть,
Заставив плакать.

Ох, вести, злое воронье!
Их ждет—печалась:
Лишь два сыночка у нее
В живых остались...

Зима пришла со звоном льда,
С метелью белой,
И третья лютая беда
В письме летела:

Три брата спят в сырой земле,
Сыны-герои...
Бывало ль горе тяжелей?!
Ведь трое! Трое!

Березки, ветви наклонив,
Ей прошептали:
Меньшой, последний твой—он жив,
Он крепче стали!

Пожаром запад охватив,
Закат суровел,
Тюльпанов огненный разлив
Был цвета крови.

Матуле вешний соловей
Пропел среди ночи,
Что лучшего из сыновей
Закрылись очи.

Не море мечется опять!
Стерпеть не в силах,

В отчаяньи рыдает мать
О детях милых.

Она склонилась до земли
В немом привете,
До той земли, где полегли
Герои-дети.

В лесу бродила без пути,
Но шелест веток
Ей не ответил, где найти
Любимых деток.

И вот к отряду партизан
Пришла однажды,
Глядит, и—верить ли глазам?—
Ей сыном—каждый!

Как схожи в силе и красе!
Отважны, метки!..
Матуля, сколько их, и все—
Родные детки!

ПЕСНЬ ЖИЗНИ

О жизнь моя, ветер степных раздолий,
Как сокол, летишь над родимой землей!
О жизнь моя, эхо весенней воли!
О жизнь моя, сон ужасающий мой!

Люблю я восторг молодого пыла,
Как любят весну полевые цветы.
Люблю я тебя, молодая сила,
Во всем ликованьи твоей красоты!

И ты, моя мать, о земля родная,
Не маки в полях, а сыновняя кровь...
Когда я умру, мне не надо рая,
Но только б с тобою увидеться вновь!

С М Е Л Ы М

Чайки кричат перед бурей,
Море зловеще ревет,
Солнце темнеет в лазури,
Сердце торопит вперед.

Робкие! Все-то грозит вам!
Вы, в ожиданьи беды,
Не вдохновляетесь к битвам
Синим простором воды!

Пусть этот путь все опасней,
Нас не заманит покой!..
С теми я, кто без боязни
Борется с бурей морской!

Т Ы П Р О С Н Е Ш Ь С Я

Среди ночи ты проснешься вдруг
И поймешь: от ветра ночь светлей.
То березы трепстаньем рук
Радостно встречают журавлей.

То весна, куда ты ни взгляни,
Хочет все перевернуть скорей.
Из-под белой рваной простыни
Выглянул взъерошенный пырей.

По зиме решающий удар
Нанесен, чтобы звенеть ручью...
Вдруг проснешься ты и примешь в дар
От земли твоей весну твою.

С К И Т А Л Е Ц

Ласточки для гнезд надежной глины ищут,
Аисты из веток гнезда прочно вьют,
Есть и у орла, и у червя жилище...
Милый мой скиталец, где же твой приют?

— Погляди на ветер, последи за тучей
Ведь они живут, со мной судьбу деля;
Погляди в лесу ты на песок сыпучий
И пойми, что дом мой—вся моя земля!

ДРУЖБА

Пускай пророки бледными губами
Клянут земли счастливую красу.
Я нашей дружбы солнечное пламя
Как светлую печаль тебе несусь.

Темно ведь под ущербною луною,
Полнеба тучами заволокло,
Но ты скажи, ты поделись со мною,
Ответь мне—почему нам так светло?

Ты скажешь—солнце? Но ведь не оно же
Наш каждый день светлит, озолотит.
Ведь это дружба! И всего дороже
Ее, подобный музыке, призыв.

Бесценный дар! И как доступен всем он!
Не в дружбе ль наша лучшая краса?!
Ведь это для нее струится Неман
И торжествующе шумят леса.

ЮНОСТЬ

Как ты пролетела на коне ретивом,
Не могла от смеха дух перевести!
Пронеслась ты, юность, вихревым порывом..
Кто тебе хотел бы пересечь пути
Иль поймать, схватив за смоляную косу,—
В бездну бы скатился с поднебесных круч,
Шею бы сломал! И звонко по откоосу
Смех твой пробежал бы, как прозрачный ключ.

ЗЕМЛЯ МОЯ

И яблони и груши дикие
Ветвями тяжелы цветущими.
Земля ликует, солнцеликая,
Когда гуляет май под кущами!

Весна цветет земною славою,
Лугами, в небеса влюбленными,

Но точит враг ножи кровавыс,
И братья падают со стенами.

Земля моя! В какой печали ты!
Родных могил без счету вырыто,
Цветы и травы кровью налиты,
И песни плачут, словно сироты.

Познала скорби ты великие,
Но улыбнись,—всё живо прежнес:
И яблони и груши дикие
К тебе склонили тяжесть вешнюю.

Т Ы С Ы Н В О Й Н Ы

Ты сын войны. Как в сердце доблесть,
В бою оружие береги.
Оценит мир, как мы боролись,
Как лютовали здесь враги.

Родившись под звездой счастливой,
Под светом радостного дня,
Потомки не услышат взрывов
Безумствующего огня.

Ни городов, объятых дымом,
Ни рек, что кровью налиты,—
Не видсть этого любимым,
Не знать того, что знаешь ты.

Мы их судьбу на бранном поле
Решаем бешеным огнем:
Мы их не отдадим в неволю,
Мы их к свободе приведем!

Так будь бесстрашен, будь достоин
Рожденных вольными детей,
Они тебя прославят, воин,
Всей жизнью радостной своей!

К СОЛНЦУ

Солнце! Завидно, когда ты
Запад ласкаешь огнем.
Там, за чертою заката,
Ждут меня ночью и днем.

Там—незабвенное детство,
Нежные мать и сестра.
Солнышко, ты их приветствуй,
Им озаряй вечера!

Там и друзья-партизаны,
Ты их покрепче согрей
И от врагов за туманы
Скройся, родное, скорей!

Снова ты близишься к милым,
Но в предзакатной тиши
Ты не одним ли могилам
Светишь?.. О солнце, скажи!

РАЗЛУКА

Протянул пырей листочки
Из-под снега к свету.
Милый, от тебя ни строчки
Так давно уж нету.

Песнями или слезами
Изойду с кручины...
На дороженьках меж нами
Притаились мины.

Там, где города сверкали,
Кровь струится щедро.
Мчитесь, вестники печали,
Вороны да ветры.

Тянется пырей пушистый
К солнцу, к милой жизни.
Ветка сердца пустит листья
Только на отчизне.

ГОРОД РАЗВАЛИН

Улицы застыли, словно
Ждут удара.
Кто любовно
Их разбудит от кошмара?

То не ветер ли осенний,
Не его ль глухое пенье?
И недужный и унылый
Стонет он, теряя силы.

На развалинах он крылья
Обломал, рассеясь пылью.
Бабочек кружатся тучи,—
Это копоть, прах летучий.
Ночью черной и ненастной
Ветра жалобы напрасны.

Зябнут раненные крыши,
Сон бежит от стен пробитых.
Только снег пушистой тишью
Успокоит, усыпит их.

Нынче здесь лишь гарь да мгла,
Да зола, зола, зола.
Да рыдает в стенах эхо
Обезумевшего смеха—

Птицы-ветра здесь жилье,
Здесь, в золе, гнездо ее.
Тишина.
С пепла поднимается она.
Как же называется она?
И дыханье ль смерти веет в ней,
Иль забвенье смертоносных дней?

И ночь не отходит ко сну.
Сквозь тишину
Слышится: кто-то на площадь
Въехал... Быть может, извозчик?
Поклажу провез далеко,
Коняге плестись нелегко.

Глухие удары копыт
Так жутко напомнили что-то:
Не эхо ли пулемета
В развалинах стен звучит?
Живой человек! Ты здесь чудо.
И как ты остался живым?
Весь город лишь пепел и дым...
Как выберешься отсюда?

Здесь призраков огненноглазых жилище.
Бессмысленно здесь ты извозчика ищешь.
Да и на какой ты поедешь вокзал?..

Иль, думаешь, ужас отбушевал?
Иль, думаешь, кровью утолены
Драконы неистовые войны?

Призрак империи черной
Над трупами кружит упорно.
И все-то, не сыт мертвечиной,
Терзает он труп лошадиный,
Летает средь черных развалин,
От жадности лютой печален.

Хохот! Стоны!
Женщина выбегает,
В лохмотьях, босая.
Ей кажется, ослепленной,
Что дети—вот они, вот,
Что за руку их ведет!

Но с ней ни одного нет.
Она рыдает, стонет.
Вверху—стальные птицы,
Внизу—огонь клубится.
Себя куда же деть ей?..
О дети, дети, дети!..

Она глядит, не видя,
И глаз уж не закрыть ей,
И дики
Крики
Глаз.
В ночной глубокий час
Она пытается небо, землю, воздух.
И в ужасе молчат над нею звезды.

Она пытается сердце черной ночи,
А смерть над ней косу стальную точит.
И снова грохот, дым, огонь... она же
На змею падает—ее колотит кашель.

Бежит, о камни спотыкаясь.
— Да где ж они? Ох, тьма какая!..—
Рвет волосы в безумном зове
И грудь царапает до крови.

Родимых ищет под камнями—
Сюда не спрятались ли сами.
Но нет!..

Дрожащими руками
Она приподымает камень
И хочет средь золы и праха
Лишь сердце спрятать, скрыть от страха.

Бьешься в груди ты,
Птенчик забытый,
Голодный,
Холодный!

Не сердце, не оно болело,
То птичка скрыться не успела,
То ласточка с крылом подбитым...
Но где же скрыть тебя, скажи ты!..

И, прижимая к сердцу руки,
Идет, поникшая от муки,
И дико повторяет снова:
— О дети, дети!—с ней лишь слово...
Они в золе родного крова.

Всю ночь блуждает, точно тень.
Вновь—день.
Она попрежнему одна,
Измучена и голодна,
И жутко схожа с мертвецом
Уже безжизненным лицом,
И нестерпима тишина
В ее бесцветных, словно прах,
Дневных глазах.

Отщепень растет все шире.
Ему не вместиться в мире.
Иль ты не слышишь?

Иль ты не слышишь?
По горло в крови, ты свиреп,
И глух ты, и нем ты, и слеп.
Фашизма железный дракон,
Ты ненавистью вспоен!
Среди раскаленных развалин
Ты замертво будешь повален.

А мы под рассветным сияньем
Над прахом взыскующим встанем.
Где кровь да беда—
Взойдут города,
Где смятый цвeток весенний—
Поднимутся поколения,
Забывшие о фашизме
В сияньи ликующей жизни!

Я В И Ж У

Ее везде я вижу—
с младенцем на руках,
С растрепанной косой,
с окаменелым взглядом...
Быть может, вихрь осенний
над нею крутит прах,
Быть может, смерть стальная
шагает с нею рядом.

Ни проволока колючая,
ни грохоты гранат,
Ни воющая гибель
ее не остановят,
Чудовища ничем
ее не устрашат.
Идет она сквозь дым,
через потоки крови.

Вот поле, где могилам
давно потерян счет,
И ни одной она
прощанья не прошепчет,
Через могильный холм,
не глядя, перейдет,

Лишь к сердцу своему
прижмет ребенка крепче.

Но близок день, когда
враги падут во прах.
Замолкнет пушек вой,
звучавших грозным хором.
Грядущее придет
с младенцем на руках,
С улыбкой радостной
и просветленным взором.
